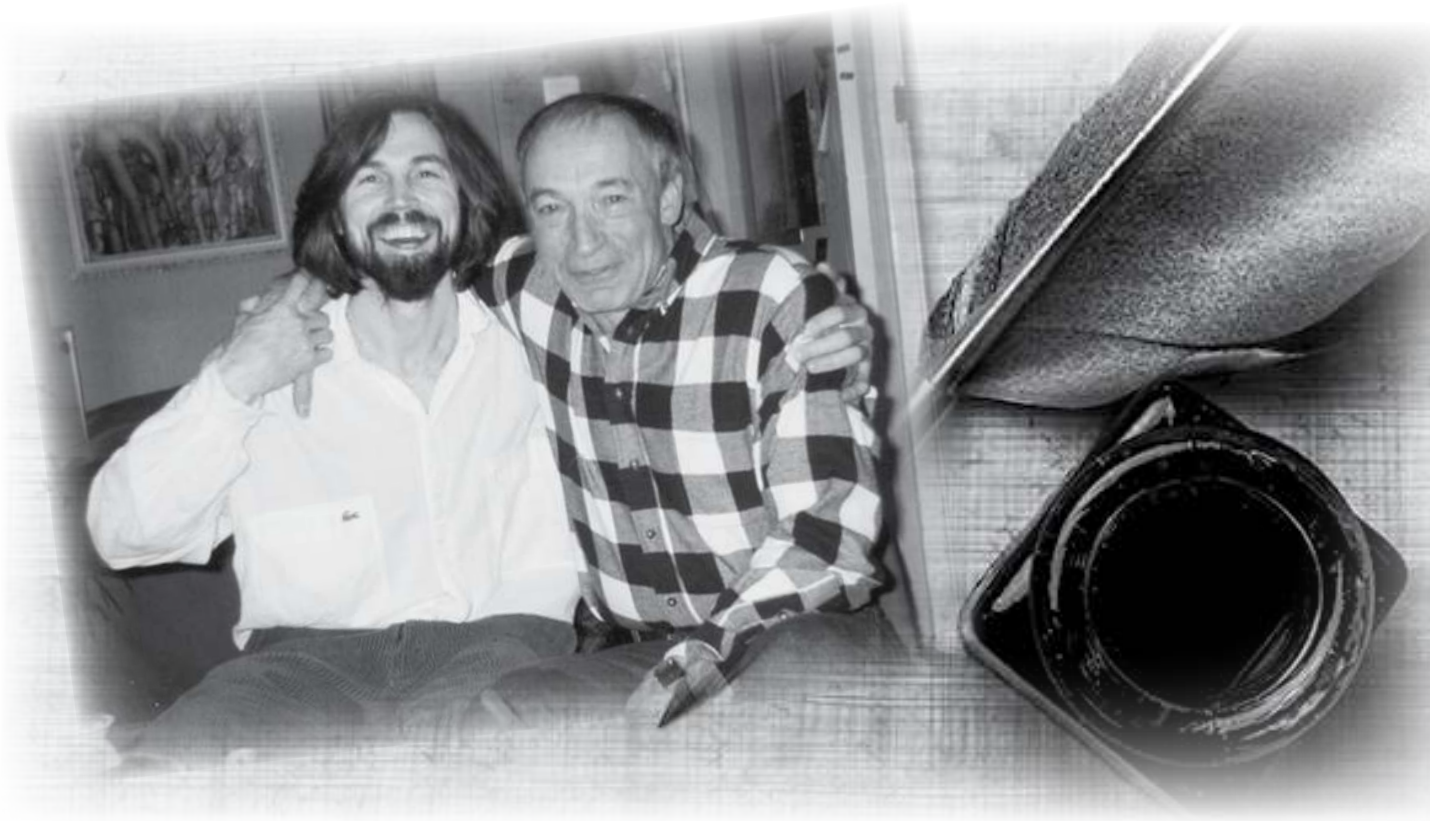

ОТ РЕДАКЦИИ

В этом номере пойдет разговор о новой книге великого актера нашей эпохи Валентина Гафта.

Работа эта оказалась совместной. Вторым участником этого несомненного чуда стал выдающийся художник Никас Сафронов, который и расскажет об этом уникальном издании.

Никас Сафронов рассказывает

«ЗАДАЧА ХУДОЖНИКА – УВЕЛИЧИВАТЬ ЧИСЛО СУЩНОСТЕЙ»

— Как была задумана и воплощена поэтически-художественная работа над книгой? Легко ли было работать в соавторстве с Валентином Иосифовичем Гафтом?

— Эта книга не была задумана специально: картины и стихи. Помните — «В начале было Сло-

во»? Книга предварительно не проговаривалась, не обговаривалась ни в целом, ни тем более в деталях и сроках. Она возникла как бы сама собой. Мы подружились с Гафтом примерно в 90–91-м году, я ему тогда подарил свой первый живописный альбом. У него на тот момент был

сложный жизненный период, и он, просматривая мою книгу, стал писать на картины стихи, опыт стихотворный у него уже был и раньше. Мы часто с ним виделись, да почти каждый день. Он прочитывал вариант, а ночью мог позвонить и прочитать уже новый взгляд на ту же картину. Я был знаком с его друзьями, известными людьми, стал писать и рисовать их портреты, и больше тех, на кого у Валентина Иосифовича были или появлялись эпитаграммы. Было написано более ста стихов на мои работы, моих работ — около пятидесяти. Скажем так, он — поэтические, я — живописные. Позже мы стали обнаруживать созвучие мотивов, сюжетов, тональности наших работ. Они, хотя возникли в разное время, оказались конгениальны в полном смысле этого слова: кон — совпадение, гений — дух.

— **Получилось ли в стихах поймать импульс, идею картин?**

— Частично я на этот вопрос уже ответил. Стихи отражают импульс и идеи некоторых картин, но и картины опредмечивают некоторые мысли и смыслы стихов. В итоге получилась наша первая совместная книга, которая вышла в 1994 году. А скоро выходит уже вторая книга, которую трудно даже отнести к определенному типу. Существует так называемая загадка зебры. Суть ее состоит в том, что никто не может доказать, что такое зебра: это черная лошадь в белую полосу или же белая лошадь в черную полосу. Так и тут — нельзя однозначно утверждать, это художественный альбом со стихами или же поэтический сборник с художественными иллюстрациями. Главное — этот творческий союз продолжается, и наши книги этому свидетельствуют.

— **Возможно ли передать словами то, что на холсте?**

— Этот вопрос напомнил мне одно место в текстах Марка Твена. 7 мая 1878 или 1879 года он написал в своей записной книжке: «Если я напишу: “Она была голая” — и затем приступлю к подробному описанию, критика взвывает. Кто осмелится читать вслух подобную книгу в обществе? Однако живописец поступает именно так, и на протяжении столетий люди собираются толпами, смотря и восхищаются».

Это — проблема разницы художественной коммуникации. У поэта одни средства самовыражения и отображения действительности, у художника — иные. Я думаю, что передать в стихах можно не то, что на холсте, а то, что составляет какие-то смыслы, ценности, впечатления и т. д. Как представляется, эта книга доказывает, что если у художников, работающих в разных сферах искусства, есть общее понимание жизни, красоты, смыслов, то они способны каждый своими средствами это все воплотить.

— **Каждый человек видит поэтический, музыкальный, художественный образ по-своему. Совпало ли видение художника и поэта?**

— Тут нужно не столько отвечать, сколько предложить читателям взять в руки книгу и попытаться самим оценить, совпало ли видение художника и поэта.

Есть некая реальность, которая дана людям в ощущениях (зрительных, слуховых, тактильных и т. д.). Она всеми примерно одинаково отображается в сознании. Но есть еще искусство. Это, если пользоваться современным термином, дополненная реальность. Художник ее дополняет социальным контекстом (например, И. Репин), или мистикой (Врубель), или юмором, романтизмом и т. д. Поэт эту же реальность видит и дополняет по-своему — образами, метафорами, другими выразительными средствами. Собственно, книга и началась с того, что мы обнаружили это совпадение, и оно показалось нам не случайным.

— **Почему людям необходимо творить, и кто такие творцы?**

— Этот вопрос можно рассматривать как продолжение предыдущего. Сначала небольшое предисловие. В XIII веке, в Оккаме, в Англии жил францисканский монах, которого называли Вильям из Оккама, а потом уже имя Оккам стало отождествляться с ним самим. Он оставил нам в наследство много чего, но в данном разговоре хочется выделить один момент — под названием «Бритва Оккама». Он сформулировал принцип, который на современном языке звучит так: «Не следует умножать сущности сверх необходимого». Иными словами, если мы об-

наружили что-то неизвестное, то нужно попытаться объяснить это с известной позиции, самой близкой к этому неизвестному. Если это объяснение не срабатывает, то нужно его отрезать, как бритвой, и отступить на следующую позицию, с которой можно выйти на адекватное объяснение, и т. д. Иногда этот принцип называют принципом бережливости, законом экономии и пр. В науке этот принцип существует до сих пор.

У художника же миссия состоит в том, чтобы умножать сущности. Поэт видит в обыденном то, что другие не видят (вспомним у А. Фета: «В моей руке твоя рука, какое чудо...»), а художник видит в обычном с виду лице неземную красоту. И тот и другой стараются донести ее до людей и сделать их лучше, мудрее, добрее. Почему это делают творцы — тайна. Не исключено, что Бог поручил творцам такую миссию, наделил их особыми способностями, разными, но именно такими, которые позволяют увеличивать число сущностей.

— *Хотелось отразить дух времени, или это нечто безвременное?*

— Вообще такие вопросы, независимо от измерений того, кто спрашивает, несут в себе некоторый провокационный подтекст. Представляете, я сейчас отвечаю за себя и за Валентина: «Мы хотели отразить дух времени». Лучшего подарка для недружелюбно настроенной части критики (а такая часть есть всегда) не придумать.

Мне кажется, что если художник берет перо, бумагу или мольберт и кисти и думает: «Нужно отразить эпоху» или «Сейчас я отражаю дух времени», то у него ничего вообще не полу-

чится. Художник живет в конкретном времени и наблюдает то, что происходит с ним и с миром в одном и том же времени. Но благодаря своему таланту он, независимо от своей воли и желания, схватывает то, что пришло в это время из вечности, или то, что останется и после того, как это малое время пройдет. Великие поэты и художники именно тем и ценны, что их произведения принадлежат Большому времени. Мы же таких великих задач не ставили, мы работали. А что из этого получилось, покажет время.

— *Как завершилась работа над книгой, что Вы ждете от читателей и зрителей?*

— Работа над новой книгой завершилась концептуально и относительно ее основного содержания, принципа построения и пр. Но есть еще некоторые вопросы, которые пока не решены, и из-за этого она пока в издательство и типографию не сдается. Мы начали пересматривать содержание картин, стихов и эпиграмм и увидели, что кое-чего явно не хватает, а кое-что нужно убирать или корректировать. Это влияет на предисловие, которое должно соответствовать тексту книги и иллюстрациям. Недавно у Валентина Гафта появились замечательные стихи, и мне захотелось написать картины на эти стихи. Он, в свою очередь, увидел ряд моих картин, которые побуждают его написать на них свои стихи.

Говорят, что ремонт нельзя закончить, его можно только прекратить. Оказывается, и с книгой примерно так. Придется в скором времени нам с Валентином пообещать друг другу, что будет вторая книга, и тогда в первой можно будет ставить точку.

Разговор поддерживала Настасья Попова

